

© 1998 г.

Л.А. ГОРДОН, Э.В. КЛОПОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В МАСШТАБЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

ГОРДОН Леонид Абрамович - доктор исторических наук, профессор, зав. отделом социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН. КЛОПОВ Эдуард Викторович - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник того же института.

1. Постановка проблемы (к вопросу о длительности переходного периода)

Масштабность и глубина перемен, начавшихся в России во второй половине 80-х годов, породила в научной и политической сферах естественный интерес прежде всего к вопросу о направленности этого процесса, о возможных вариантах перемещений России в социально-историческом пространстве, о специфике российской модернизации. И соответственно - об ожидаемых или, скорее, вероятных его результатах. Примечательно, что материалы ежегодных международных симпозиумов, организуемых в Москве Интерцентром и Московской школой социальных и экономических наук для обсуждения проблем нашего постперестроечного развития, издаются под названием "Куда идет Россия?.."¹.

В поисках ответов на этот вопрос Н.Ф. Наумова охарактеризовала процесс преобразований в России как рецидивирующую модернизацию и, размышляя об этом типе развития, пришла к важному, как нам представляется, выводу о том, что он "включает достаточно продолжительный переходный период". Именно в это время, "в ситуациях сложных, противоречивых, абсурдных", в обстановке "динамического хаоса", с одной стороны, формируются "те новые установки и стереотипы поведения" и новые структуры, которые (по определению Наумовой) оказываются "стратегически ориентированными", т.е. определяющими будущее устройство общества, а с другой - не исключены критические состояния неустойчивости, "когда слабые воздействия могут приводить к ... сильным реакциям, к неуправляемости системы"².

Итак, *длительный переходный период* - это неперенный и многое объяс-

Исследования, положенные в основу данной статьи, выполнены при финансовой поддержке РФФИ (проект № 97.06.80.340) и РГНФ (проект № 9506 17 562).

няющий атрибут глубоких, поистине революционных преобразований, призванных перевести общество из одного качественного состояния в другое. Но какова же именно его длительность? Чем она реально обусловлена? И как, каким масштабом ее можно и нужно измерять? И еще - какое значение для понимания процесса общественных преобразований имеют временные характеристики переходного периода?

Рассмотрим эту проблему (и попытаемся ответить на эти вопросы) на примере переустройства общественно-политической системы современного российского общества. Его содержание определяется двуединым процессом - распадом, сломом старых, государственно-социалистических механизмов управления страной и формированием системы таких политических институтов, которые типологически относятся к демократическим. А эти последние внедряются в социальную ткань и воздействуют на общественную жизнь в полной мере только тогда, когда заложенные в них идеи и ценности воспринимаются большинством населения, хотя бы более или менее значительными его группами, как их собственные. Именно поэтому эволюция массового сознания, массовых ценностей, массовых настроений в большой (если не в решающей) степени определяет не только темпы и характер, но и границы возможного в формировании и развитии новых общественных, в том числе политических, институтов и структур. Тем более поскольку речь идет о формировании устойчивых, "стратегически ориентированных" структур и институтов.

Разумеется, наиболее активным "актером" в процессе демократизации общества и особенно в формировании новых политических институтов, их организации, обустройстве, внедрении в ткань общественной жизни являются отнюдь не народные массы. Таковую роль, как правило, играет элита общества и/или различных его секторов, т.е. меньшинство, опирающееся на полученный, так или иначе, "мандат народного доверия" и действующее более или менее сознательно и целеустремленно. Даже в формировании профсоюзов - одного из самых массовых общественных институтов - решающее значение имеют самоотверженные действия десятков или, самое большее, сотен человек, образующих своего рода рабочую элиту. (Мы имели возможность убедиться в этом, наблюдая за возникновением новых шахтерских профсоюзов на рубеже 80-90-х годов.³)

Однако, не будучи непосредственно строителем политических институтов, народное большинство, тем не менее, образует социальную среду, социальную почву и влияет на формирование социального климата, от характера которых решающим образом зависят и темпы, и направленность, и глубина процесса демократической институционализации. И если создаваемые элитами общественно-политические институты такого рода приживаются или не приживаются на общественной почве, начинают действовать согласно своему предназначению или же их функционирование приобретает характер, в большей или меньшей степени отличный от замысла, либо если они вообще не получают реального воплощения и остаются своего рода "декларацией о намерениях", то все это в огромной мере зависит от того, принимаются ли они массами или отторгаются ими.

Следовательно, завершение перехода от авторитарно-социалистического

политико-правового устройства к системе демократических по своей сути и по способам функционирования институтов связано, едва ли не в первую очередь, с принятием новых порядков большинством населения, с глубоким освоением народными массами соответствующих ценностей, установок, социальных и культурно-идеологических норм. Но складывание таких, культурных и социально-психологических, устоев системы новых общественных институтов - это отнюдь не равномерно развивающийся и тем более не быстротекущий процесс.

Известно, что более или менее радикальное обновление этих ценностей и норм, переход к принципиально иным, чем прежде (или "теперь"), представлениям о должном и правильном, к новым эталонам поведения, складывание новых привычек и традиций происходят - или могут произойти - главным образом на стадии базовой социализации новых поколений людей. А она охватывает, как правило, лишь начальные этапы жизненного цикла человека (детство, отрочество и юность, молодость), тогда как в зрелом или тем более пожилом возрасте качественные изменения в социально-психологическом базисе личности случаются, скорее, как исключения. Соответственно, вступая в периоды активного участия в социальном производстве и воспроизводстве, эти новые поколения не просто замещают в общественной жизни предшествующие генерации людей, но и привносят в нее новые идеи и ценности, иногда существенно отличающиеся от тех, что служили основой бытия прежних поколений.

Разумеется, в живой действительности может случиться и так, что, например, некоторые политические убеждения, рациональная оценка и эмоциональное восприятие конкретных политических установлений (скажем, в современных российских условиях - свободы печати) более или менее основательно изменились или могут еще измениться у многих, даже очень многих людей и без коренных перемен в структуре личности, а потому и после периода базовой социализации. И все же устойчивые и глобальные перемены в социально-политическом сознании, принятие новых норм и институтов именно как целостной системы обычно происходят от поколения к поколению.

Потому-то можно утверждать, что переходный период от одной общественной системы к принципиально иной, в том числе и время всеохватывающих общественно-политических перемен (подобных тем, что переживает сейчас наша страна), протекает в *масштабах социального времени*. А основной единицей его измерения являются не годы, но периоды жизни поколений, кратные десятилетиям. Точно так же рубежи таких перемен обозначаются не конкретными датами, но более или менее широкими временными полосами.

Отсюда следует, что для складывания социокультурных предпосылок принципиально нового общественно-политического устройства необходимо вступление в активную общественную жизнь, по крайней мере, одного нового поколения - в тех случаях, когда и если те новации, которые оно привнесет в общество, в его культуру, обеспечат существенный "задел" перемен. Обычно же такого рода радикальные преобразования базируются на изменениях, которые происходят в составе и структуре установок, ценностей, идеологических и поведенческих ориентиров нескольких поколений, каждое из которых

вносит свою лепту в накопление критической массы предпосылок радикального обновления всего общественного строя. Это обусловлено, в конечном счете, сочетанием и взаимодействием разных социально-исторических факторов. Одни из них могут ускорять и облегчать его, тогда как другие - затруднять и замедлять. Однако каждый раз они происходят в генерационном масштабе времени, и их надо рассматривать, - чтобы избежать как иллюзий, так и разочарований, — именно в этом масштабе.

2. Предпосылки ускорения и замедления институциональных перемен в современной России

В России одним из главных факторов, *затрудняющих* общественные преобразования такой глубины и удлиняющих диапазоны времени, потребного для того, чтобы народное большинство смогло освоить рыночно-демократические ценности и принять основанные на них политические институты, является то обстоятельство, что у нас массовое сознание очень долго находилось под политико-идеологическим прессом государственного социализма - в течение семи десятилетий. В результате привычка к обслуживающим этот строй институтам и едва ли не всеобщие ощущения их "нормальности", "правильности" стали особенно прочными. Из сознания народных масс оказалась искорененной сама память о тех зачатках демократических основ функционирования экономики и устройства общества, о соответствующих нормах и традициях поведения и взаимодействия людей, о роли в общественной жизни права, суда, частной собственности, представительной власти, свободы слова и т.д., которые постепенно начинали внедряться в социальную ткань дореволюционной России.

Это связано также и с тем, что к концу 80 - началу 90-х годов в нашей стране почти не осталось людей, которые родились и выросли до революции, когда в обществе стали распространяться и утверждаться в массовом сознании (хотя бы и в зачаточной форме) эти гражданско-правовые и общественно-политические нормы и ценности. В 1989 г. в России насчитывалось лишь 890 тыс. ее жителей, преодолевших 85-летний рубеж (т.е. тех, кто родился в конце 1890 - начале 1900-х годов), что составляло 0,6% ее населения, в том числе менее 144 тыс. мужчин (0,2% их общей численности)⁴. Да и эти немногие были уже слишком стары, чтобы дореволюционный социальный опыт их поколения хоть как-то повлиял на процессы рыночно-демократических преобразований. Иначе говоря, даже и тот небольшой запас идей и ценностей общественной модернизации, который был накоплен в России до 1917 года, фактически пропал втуне.

И наоборот, значительная часть идейно-ценностного багажа дореволюционного российского общества - прежде всего фетишизация государства массовым сознанием, глубоко укоренившиеся в нем ценности патернализма и распространенные сверху донизу идеи ксенофобии, привычка и даже доверие к бюрократическим методам управления общественными делами при неразвитости частного права и основанных на нем отношений между гражданами и граждан с государством - была весьма эффективно использована при пере-

устройстве страны в 20-30-е годы на началах государственного социализма. Этот факт хорошо объясняет, почему у нас так быстро утвердилась практика и так глубоко укоренилась идеология сталинского тоталиаризма. Этот строй оказался, так сказать, привычным народному большинству, а массовые репрессии способствовали еще большему его упрочению, устраняя с общественной сцены не только любые другие, альтернативные госсосоциализму идеи и ценности, но и возможных их носителей.

Между тем процесс складывания и тем более укоренения в социальной практике демократических гражданско-политических институтов складывается с меньшими трудностями в тех странах, где госсосоциалистический период был ограничен четырьмя десятилетиями. В частности, не лишены оснований кажутся предположения, что это, хотя бы отчасти, связано с тем, что к началу послекоммунистических преобразований там более или менее заметную часть населения образовывало поколение людей, сформировавшихся в мире норм и институтов, основанных на частной собственности и современном ("буржуазном", по В.И. Ленину) праве и правосознании. Так, в странах Восточной и Центральной Европы на рубеже 80-90-х годов не менее 10-20% населения составляли люди, родившиеся до середины 20-х годов, т.е. те, кто к началу коммунистического господства были старше 25 лет. Рыночно-демократические нормы, ценности, институты были для них вовсе не легендой или информацией "из-за бугра". Их присутствие в обществе, даже если многие из них из-за возраста не играют активной и тем более ведущей роли в политической и экономической жизни, сохраняет духовно-психологическую связь времен, помогает остальным (более молодым) гражданам этих стран успешнее создавать новые институты и нормы, легче осваивать их. (У нас же "дополнительное" поколение разрыва традиций сделало это невозможным.)

Вместе с тем, на процесс радикальных общественно-политических преобразований в нашей стране активно воздействуют и факторы, так или иначе *ускоряющие* его: Среди них - происшедшие в 60-80-е годы, а отчасти и раньше, качественные изменения в культуре, условиях быта и производственной деятельности большинства населения. Они были обусловлены урбанизацией страны и индустриализацией ее народного хозяйства, быстрым ростом образованности больших масс людей, расширявшимися возможностями использовать и интериоризировать опыт других стран, в особенности в связи с быстрым ростом всемирного информационного потенциала. Все это существенно повышает общий динамизм современной жизни и создает несравненно более благоприятные условия для восприятия рыночно-демократических ценностей и освоения соответствующих им институтов, нежели те, что были характерны для тех стран, где эти процессы происходили в XIX - начале XX веков и охватили период, сопоставимый с жизнью 8-10 поколений.

Поэтому даже представления о генерационных масштабах переходного периода, на протяжении которого происходит, в частности, и политическая институционализация, не дают оснований для чрезмерного пессимизма.

Конечно, в российском обществе большинство ныне все еще составляют те, кто не ощущают происходящие радикальные перемены в жизни всей страны и каждого ее жителя как "правильные", нормальные, необходимые и хотя бы

Таблица 1

Соотношение респондентов, позитивно и негативно оценивавших свою жизнь в 1994-1997 гг. (%)*

В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?	Вполне или по большей части устраивает	Отчасти устраивает, отчасти нет	По большей части или совершенно не устраивает
Апрель 1994 г.	6,9	32,7	55,7
Ноябрь 1994 г.	11,3	35,0	50,5
Май 1995 г.	12,1	32,1	52,8
Ноябрь 1995 г.	9,6	39,3	47,6
Май 1996 г.	10,5	30,0	54,9
Ноябрь 1996 г.	8,0	28,1	62,1
Январь 1997 г.	9,3	27,1	62,0
<i>в том числе:</i>			
<i>по возрасту</i>			
до 29 лет	19,5	34,2	44,5
30-49 лет	6,6	26,5	65,8
50 лет и старше	4,8	22,4	71,0
<i>имеют образование</i>			
высшее	11,1	36,4	51,5
среднее	10,4	28,6	59,2
ниже среднего	7,4	21,8	69,2
<i>жители</i>			
Москвы и СПб	13,0	34,0	50,5
больших городов	8,8	30,0	59,5
средних и малых городов	9,1	24,4	64,7
сел	8,5	25,6	64,8

* Не учтены затруднившиеся ответить и не ответившие.

потому справедливые. Характерно, что всероссийские опросы ВЦИОМ выявляют преобладание тех людей, кого полностью или по большей части не устраивает нынешняя жизнь (от 1/2 до 2/3 численности респондентов), и лишь их меньшая часть (от 1/3 до 2/5) склоняется к более оптимистичным ответам (см. табл. 1)⁵.

Если же обратиться к прямым оценкам происходящих перемен, то в сентябрьском опросе 1995 г. почти половина (45%) респондентов выразила согласие с суждением, что "было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 г.", и только менее трети (29,5%) были с этим не согласны. (Примерно такие же соотношения ответов были выявлены в опросах апреля и сентября 1994 г.). В июне 1996 г. тот же, в сущности, вопрос задавался более "жестко" ("Основываясь на опыте Вашей жизни в СССР при социализме, можете ли Вы сказать, что Вы целиком за тот социализм, который был в нашей стране до 1985 г.?"), и положительных суждений оказалось больше, а негативных - больше (см. табл. 2)⁶.

При этом важно отметить, что сдвиги в составе населения России, обусловленные возросшим уровнем его образования и повышенной долей вовлеченных в процесс урбанизации (о чем говорилось выше), явно способствуют изменениям в массовом сознании. Так, среди высокообразованных людей и жителей наших крупнейших мегаполисов - Москвы и С.-Петербурга заметно выше (чем в среднем по всем опрошенным) доля давших позитивный ответ на вопрос, устраивает ли их нынешняя жизнь, и ниже - тех, кто согласен с позитив-

Таблица 2

Отношение респондентов ВЦИОМ " к тому социализму, который был в нашей стране до 1985 г."
(опрос июня 1996 г., %)

	"полностью за" + "скорее за"	"полностью про- тив" + "скорее против"	"ни за , ни против" + затруднились с ответом
Все опрошенные	33,2	29,7	37,2
<i>Возрастные группы</i>			
До 29 лет	16,0	42,0	41,9
30-49 лет	33,4	31,6	35,0
50 лет и старше	45,8	19,7	34,5
<i>Имеют образование</i>			
высшее	23,1	45,7	31,3
среднее	27,5	34,8	37,6
ниже среднего	43,7	17,5	38,7
<i>Жители</i>			
Москвы и СПб	17,9	46,4	35,7
больших городов	31,0	34,8	35,7
средних и малых городов	33,4	28,8	37,8
сел	41,8	18,5	39,6

ной оценкой советского социализма. Иначе говоря, эти процессы на самом деле являются потенциально позитивными факторами ускорения перемен.

То, что уже примерно 1/3 взрослого населения (и еще больше среди хорошо образованных людей и жителей крупнейших городов) вполне положительно воспринимают новые порядки (и новые ценности, и новые институты) и предпочитают их прежним, внушает некоторый оптимизм. Для преобразований, соизмеряемых с жизнью поколений, такая доля их приверженцев всего лишь через 5-10 лет после начала движения к ним выглядит обнадеживающим фактом. К тому же отдельные политические и социально-экономические институты рыночно-демократического типа уже встречают поддержку относительного большинства населения (см. табл. 3)⁷. В частности, в 1994 г. более половины опрошенных считали, что свобода слова и печати, и более 2/5 - что свобода выезда за границу и свобода предпринимательства приносят обществу больше пользы, чем вреда, тогда как больше вреда видели в них лишь четвертая или даже пятая часть. Правда, лишь меньшинство видело пользу, а большинство - вред в многопартийных выборах и свободе забастовок.

Вместе с тем, когда речь идет о проведении или отмене выборов, то установки большинства опрошенных оказывались существенно иными. Так, в мае, июне и сентябре 1995 г. от 45 до 55% респондентов ВЦИОМ высказались за то, чтобы выборы в Государственную думу были проведены в намеченный срок (т.е. в декабре того же года), и лишь 8-9% согласились с мнением, что их можно отложить на 2-3 года. А в январе 1996 г. аналогичное предложение касательно переноса президентских выборов поддержало менее 6% респондентов, тогда как 72% высказались за проведение их, как и предполагалось, в июне того же года⁸. Иначе говоря, фактически институт выборов (которые у нас проводятся на многопартийной основе) уже получил признание народного большинства.

При этом в массовом сознании населения России немало существенных противоречий. В частности, подмеченное В. Лапкиным и В. Пантиним и состо-

Оценка пользы/вреда для России от политических и экономических прав и свобод в апреле и сентябре 1994 г. (опросы ВЦИОМ, %)*

Права и свободы (от них чего больше?)	Апрель 1994 г. Все опрошен- ные	Сентябрь 1994 г.			
		Все опро- шенные	до 29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
<i>Свобода слова, печати</i>					
- пользы	47,5	52,2	63,4	55,2	40,6
- вреда	28,2	22,4	12,8	21,3	30,8
<i>Многopартийные выборы</i>					
- пользы	25,4	28,6	29,2	33,5	22,0
- вреда	37,2	32,4	31,6	29,1	37,1
<i>Свобода выезда из страны</i>					
- пользы	42,5	44,0	57,5	47,8	29,6
- вреда	24,8	22,7	18,4	17,9	31,6
<i>Свобода предпринимательства</i>					
- пользы	39,5	43,3	60,1	47,9	25,6
- вреда	34,1	27,3	17,5	24,3	38,2
<i>Право на забастовку</i>					
- пользы	24,8	23,1	24,2	25,5	19,3
- вреда	37,7	35,5	33,7	31,8	41,3

* Без затруднившихся с ответом и не ответивших.

ящее в том, что для многих людей "политические и экономические свободы существуют как бы независимо друг от друга, и при этом политическим свободам отдается явное предпочтение". Это проявилось, например, в том, что около 40% респондентов, опрошенных в ноябре 1996 г. Институтом социологического анализа, были готовы пожертвовать теми или иными экономическими правами и свободами, а почти 20% - даже вернуться к плановой системе советского образца, но даже среди них не меньше половины не выразили согласия с идеей ущемления политических прав и свобод⁹. А без преодоления этого противоречия и, соответственно, без системного освоения большинством населения идей и ценностей демократического устройства всей общественной жизни (как политики, так и экономики) процесс ее модернизации, скорее всего, существенно замедлится или заглохнет вовсе.

Реально для такого коренного перелома в массовом сознании российского населения, который обеспечил бы необратимость начавшейся модернизации нашего общества, необходим выход на арену активной социальной деятельности хотя бы одного-двух новых поколений, освоивших именно систему базовых рыночно-демократических идей и ценностей и готовых действовать в соответствии с ними. Следовательно, решающий перелом может быть достигнут не раньше, чем через два-три десятилетия (а возможно, и в еще более длительной перспективе). Думать о существенно меньших сроках завершения модернизации и, так сказать, "полного запуска" в жизнь новых институтов - значит предаваться не просто беспочвенным, но и опасным сентиментально-утопическим мечтаниям.

А вместе с тем, нет оснований и для чрезмерно мрачных прогнозов относительно возможной продолжительности переходного периода. На самом деле:

с одной стороны, некоторые новые ценности, институты и порядки уже одобряются значительной частью населения России, а с другой, - что в данном случае имеет особенно большое значение, - для большинства его молодого поколения характерно принятие всей системы ценностно-идеологических основ демократизации (или, по крайней мере, ее ядра). Исследования (в частности, Р.Рывкиной и Ю. Симагина) показывают, что в молодежной среде преобладают существенно иные установки, оценки жизненных ситуаций и нормы поведения, чем среди людей старших поколений¹⁰.

Знаменательно, что о позитивном отношении "к тому социализму, который был в нашей стране до 1985 г.", в июне 1996 г. заявили лишь 16% респондентов моложе 30 лет, а о негативном - 42%, тогда как в среднем поколении соотношение тех и других было практически одинаковым (33 и 32%), а среди пожилых преобладали явно ностальгические настроения (одобрявших "тот" социализм было вдвое больше, чем неодобрявших, - 46% против 20). Вместе с тем, очевидное неприятие недавнего (советско-социалистического) прошлого сочетается у молодежи с менее выраженным позитивным восприятием реальностей сегодняшнего состояния общества. Так, в январе 1997 г. доля молодых респондентов, которых нынешняя жизнь устраивает полностью, по большей части или отдельными своими сторонами, составило более половины их общей численности (54%), тогда как тех, кого она совершенно не устраивает, было тоже достаточно много (44% - см. табл. 1-2).

При этом, конечно же, нужно иметь в виду, что новые установки и ценности в большей мере освоены прежде всего той частью молодежи, у которой период базовой социализации пришелся на 90-е годы (и которая, соответственно, еще только начинает серьезно влиять на современную социальную ситуацию в России). Так, в упомянутом выше исследовании Р. РЫБКИНОЙ и Ю. Симагина показано, что лишь среди 18-24 летних респондентов ВЦИОМ, опрошенных в 1995 г., было больше тех, кто положительно ответил на вопрос "Нравится ли Вам, что Россия пошла по пути капитализма?" (45% ответили "да" и 30% - "нет"), и тех, кто выразил отрицательное отношение к возможному возврату советского строя (39% оценили такую перспективу отрицательно и 34% положительно). Между тем даже в группе 25-39-летних (среди которых, правда, лишь меньшая часть завершала процесс социализации во времена горбачевской "перестройки", т.е. на начальном этапе преобразований, а остальные сформировались в условиях брежневского "застоя") и тем более в старших возрастных когортах заметно преобладали отрицательно ответившие на первый и положительно на второй из этих вопросов".

Но и для людей, вступивших в самостоятельную жизнь в условиях назревания и начала коренных перемен (т.е., в данном случае, для тех же 25-39-летних), характерна гораздо большая, чем для предшествующих поколений, открытость к новым веяниям, новым идеям и ценностям. В особенности, когда речь идет не об общей оценке происходящих перемен, а о вещах более прагматичных. Так, при ответах на вопрос о предпочтительности для респондентов тех или иных способов экономической деятельности заметное большинство в группе 25-39-летних (как и среди 18-24-летних) отдало приоритет тем из них, которые присущи именно рыночной экономике ("Много работать и хорошо

зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее" + "Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск"), тогда как большинство более пожилых людей ориентированы на характерные для госсocialизма, патерналистские по своей сути установки ("Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне")¹².

Эти и аналогичные им данные как раз и дают фактическую основу для предположения о том, что времени активной общественной и трудовой жизни одного поколения (современной молодежи) окажется, скорее всего, достаточно для утверждения в нашей стране системы рыночно-демократических институтов, их закрепления в массовом сознании и их принятия большинством народа. Но будем помнить, что и в этом случае тот период, в течение которого слои населения, ощущающие и оценивающие новые ценности и институты как законные, естественные, "нормальные" и активно поддерживающие их, станут большинством народа, все-таки охватит многие годы, даже десятилетия.

И все это, относительно длительное время, общественно-политические преобразования будут оставаться незавершенными, так что обществу придется жить в условиях, когда отношение значительной части населения к формирующимся институтам и ценностям демократии будет неодобрительным, отчужденным, иногда враждебным и почти всегда неустойчивым, колеблющимся. (К тому же она будет постоянно пополняться, хотя и на суженной базе, из тех групп молодежи, которые по тем или иным причинам не принимают эти идеи и ценности.) Соответственно, достаточно большие массы людей еще долго будут ощущать себя жертвами осуществляющихся преобразований и более или менее активно сопротивляться им. Иначе говоря, именно в их неизбежной длительности заключена одна из главных опасностей переходного времени. Российское общество - как это уже случилось в начале XX века - может не выдержать затянувшихся тягот модернизации, и социальный взрыв еще раз сорвет становление демократических институтов в нашей стране.

3. Приливо-отливный характер переходного периода

Большая продолжительность общественно-политических преобразований переходного времени обусловлена также неизбежно сложным его строением, особенно приливо-отливным характером такого рода процессов. Принятие качественно новых ценностей массовым сознанием и, соответственно, утверждение, укоренение новых экономических, социальных, политических институтов почти никогда, и тем более в эпохи бурных, всеохватывающих перемен, не идет линейно, однонаправленно. Обычно этот процесс складывается таким образом, что стремительные прорывы (в стиле "лобовой атаки" на прошлое) сменяются последующими откатами, накоплением сил, новым продвижением вперед (уже в форме не "штурма", но длительной "осады") и т.д.

События, разворачивающиеся в нашей стране на протяжении последнего десятилетия, вполне укладываются в эту схему. Быстрая и постепенно ускоряющаяся демократизация политического устройства началась с конца 80-х годов, реально с XIX конференции КПСС (1988 г.). Особенно большое значение имело расширение гласности, подрывавшей идеологические основы гос-

социализма. Получила импульсы, хотя и меньшей силы, также борьба за демократические методы управления обществом; ее важным реальным результатом было провозглашение свободы образования и деятельности партий, общественных движений и организаций. А своего апогея попытки радикального преобразования политической сферы российского (тогда еще советского) общества и установления полной демократии достигли в 1991-1993 гг.

По стечению исторических обстоятельств, они не были подкреплены демократическими же преобразованиями в экономике и социальной сфере. Экономические реформы в нашей стране начались - но именно лишь начались - только в 1992-1993 гг. Этим разрывом были обусловлены очень многие последующие трудности развития страны по демократическому пути. И тем не менее без подобной, "забегающей вперед" устремленности к идеалу общественного устройства, без борьбы за него сокрушение тоталитаризма в конкретных российских условиях конца 80-х - начала 90-х годов было фактически неосуществимо.

Радикальное разрушение этого строя было благом для нашей страны и ее народа, оно открывало перспективы выхода из исторического тупика, в какой загнал нас государственно-бюрократический социализм. Но благо оказалось неотделимым от зла. Много тягостного, даже катастрофического и трагичного в современном состоянии России, в жизни народного большинства связано как раз с тем, что из тоталитаризма того типа и той стадии, какие были характерны для России 70-80-х годов, не оставалось "мягкого", постепенного выхода. Однако и его быстрое, взрывное преодоление привело к многочисленным тяжким последствиям.

Уничтожение власти партийно-государственного аппарата в 1991-1993 гг. (когда экономика еще оставалась нерыночной и потому не способной к саморегулированию, а все институты поддержания порядка в обществе были построены так, что могли работать лишь под воздействием этого аппарата) негативно сказалось на всех системах общественного организма. И на всех его уровнях — как в центре, так и на местах, в любом районе, поселении, на каждом предприятии. В результате резко упала государственная дисциплина, ухудшились функционирование народного хозяйства и собираемость налогов, понизилась безопасность повседневной жизни. Государство не смогло (да и не могло) ослабить тяжелейших последствий для народного большинства катастрофического спада в экономике и инфляционного роста цен на потребительские товары и услуги.

Все это, естественно, сопровождалось нарастанием недовольства в населении, разочарованием значительной его части в демократических преобразованиях и в самой демократии, в том числе и в рыночной экономике. Знаменательно, например, что всего лишь за два года экономических реформ (1992-1993 гг.), когда была осуществлена либерализация цен и началась масштабная приватизация государственной собственности, существенно изменилось соотношение численности тех респондентов ВЦИОМ, для кого, с одной стороны, более привлекательной была социалистическая, планово-директивная экономика, а с другой - рыночно-предпринимательская. Так, в 1992 г., когда еще были сильны надежды на быстрое улучшение жизни в результате радикального

реформирования экономики и всего общественного уклада, вторых ("рыночников") было значительно больше (в феврале это соотношение выглядело как 28:50, а в сентябре как 28:48), но уже к июню 1993 г. доли приверженцев этих разных экономических моделей сравнялись (34:33), а к февралю 1994 г. значительно больше стало тех, кто отдавал предпочтение прежней системе (41:26)¹³.

Одновременно в обществе нарастали протестные настроения и ожидания серьезных социальных коллизий: в марте 1993 г. более 37% респондентов ВЦИОМ оценили политическую обстановку в России как критическую, взрывоопасную; почти 35% считали, что в их городе (сельском районе) возможны массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни; без малого 26% заявили, что примут непосредственное участие в таких акциях¹⁴.

На этой основе усиливались реваншистские замыслы, намерения отказаться от курса на демократизацию российского общества и повернуть вспять ход событий. Случилось так, что политическим центром этих настроений и замыслов стал Верховный Совет РСФСР, избранный в 1990 г. (и - вот он парадокс истории! - легитимизировавший в начале 90-х годов многие демократические начинания и проекты). Над завоеваниями демократии нависли серьезные угрозы.

В результате в стране объективно созрели условия для *перехода на новый этап преобразований*, поскольку сменились их задачи и приоритеты.

До того чрезмерная ослабленность государственности была не только предпосылкой перемен, но и необходимой платой за возможность продолжать отход от госсоциализма. И она, в общем, сознательно или подсознательно, поддерживалась общественным мнением (поскольку иначе было трудно разрушить исторически отжившую тоталитарно-бюрократическую государственность). Теперь же положение изменилось. Острой необходимостью - чтобы не произошла реставрация прежних порядков, а продолжалось формирование, укрепление и развитие институтов, обеспечивающих сохранение демократического общественного порядка, - стало восстановление "нормального" уровня государственности, но функционирующей на новой, демократической основе. Более того, сегодня восстановление государственности - это ключ к решению всех основных проблем модернизации современного российского общества.

В конце концов, большинство кризисных явлений, обусловленных осуществлением в начале 90-х либерализации экономики, приватизации, вообще попыток утверждения в России частной собственности и рынка, связаны именно со слабостью государства. Его неспособность осуществлять функции контроля, регулирования и, при необходимости, принуждения придала этой назревшей и необходимой акции практически стихийный и во многом криминальный, коррупционный характер. Ослабшее, полуразрушенное государство не смогло - даже не ставило перед собой такой задачи - ограничить аппетиты новых (прежде всего крупных) собственников и сбалансировать их интерес с интересами рядовых тружеников и всего общества в целом.

Разумеется, и сильное государство, если бы в нем возобладали односторонне эгоистические интересы новых собственников (или, наоборот, интересы реставраторских сил), не проводило бы социально ответственной политики. Но при

слабом государстве подобная политика в любом случае оказывается невыполнимой. Проводимые им реформы неизбежно теряют социальную направленность и не могут обеспечить мало-мальски приемлемого уровня социальной справедливости.

Все это означало, что мобилизующее действие безоглядного, не считающегося с действительностью скачка в демократию потеряло смысл. Наоборот, все яснее стала выступать и ощущаться массовым сознанием деструктивная роль преждевременного развертывания тех демократических институтов, для которых пока не созрели условия. Для успешного осуществления модернизации российского общества (в том числе и в общественно-политической сфере) оказалось необходимым встать на путь постепенных, более медленных и более длительных перемен - в соответствии с социально-экономическим положением страны и корреспондируя эти перемены с состоянием массового сознания. Одной из принципиально важных примет этого нового этапа стало более или менее масштабное использование, так сказать, *полудемократических* способов управления общественными делами.

События осени 1993 г. стали своего рода рубежом, отчетливо обозначившим такого рода переход (по сути дела - отступление) к такому этапу и такому пути развития. Российская исполнительная власть после них существенно усилила свои реальные позиции в обществе и формально закрепленные в новой Конституции властные полномочия. И можно указать немало примеров, когда они использовались явно не во благо обществу и тем более не в интересах процесса демократизации. Когда ущемления демократических прав и авторитарные методы управления приобретали чрезмерный, ничем не оправданный характер. Однако в целом президентская "вертикаль" не выходила за границы политики, которая оставляет открытой перспективу усиления демократической составляющей в нашем общественно-политическом развитии.

Разогнав Верховный Совет (без чего можно было обойтись) и силой подавив парламентский мятеж (что было необходимо), президент не стал использовать чрезвычайную ситуацию для уничтожения представительной власти. Напротив, после этих событий неоднократно проводились выборы, порой приносившие успех оппозиционным ему силам. Точно так же, начав бессмысленную войну в Чечне, исполнительная власть поставила под угрозу самую возможность хотя бы и постепенной рыночно-демократической эволюции. Но та же власть восприняла реальности чеченского сопротивления и давления ответственности и нашла в себе силы прекратить авантюру.

В сложившихся условиях для восстановления государственности и порядка оказалось необходимым обеспечить ведущую роль и даже расширение полномочий исполнительной власти. Современная ситуация требует также определенного ограничения свободы слова, печати, организаций (прежде всего для приверженцев политического насилия), равно как и применения время от времени чрезвычайных мер борьбы с преступностью. Хотя и в этом случае целью остаются формирование целостной системы гражданских и политических свобод, соблюдение прав человека в полном объеме.

Иначе говоря, российскому обществу после периода демократического "штурма" пришлось отступать до того уровня не вполне развитой демократии,

Предпочтения порядка или демократии и трактовки понятия "порядок" (%) опрос ВЦИОМ, январь 1995 г.)

	Все	Возраст*			Образование**		
		А	Б	В	Г	Д	Е
Что сейчас более нужно России?							
- порядок	76,2	64,8	79,0	82,0	74,9	76,7	75,9
- демократия	10,1	15,2	9,9	6,1	13,2	10,4	8,5
Что такое "порядок"***							
- политическая и экономическая стабильность страны	34,5	41,2	37,0	26,3	52,7	36,6	25,3
- прекращение борьбы властей...	25,7	22,7	29,2	23,9	22,3	26,5	25,8
- прекращение разворывания, растаскивания страны	23,4	21,6	23,5	24,7	22,0	24,0	23,2
- строгая дисциплина	19,0	11,8	16,7	27,4	9,4	15,9	26,4
- строгое соблюдение законов	32,6	29,2	33,7	34,0	34,7	31,8	32,8

* А - до 29 лет; Б - 30—49 лет; В - 50 лет и старше.

** Г - высшее и незаконченное высшее; Д - среднее и среднее специальное; Е - ниже среднего.

*** Приведены варианты, получившие большее всего голосов.

который совместим с нуждами укрепления государственности и правопорядка. Тем более, что именно это уровень отвечает нашим современным реалиям, состоянию политической культуры и нравов.

Так, в опросах ВЦИОМ середины 90-х годов регулярно задается прямой и подчеркнута дихотомический вопрос: "Что сейчас больше нужно России: порядок или демократия?", - и столь же регулярно 75-80% респондентов отдают предпочтение порядку, тогда как противоположного взгляда придерживаются лишь 5-10%¹⁵. Причем порядок в качестве приоритетной ценности признается респондентами всех групп - образовательных, возрастных и т.д. (при том, конечно, что демократия представляется большей ценностью относительно большому числу занятых в частном секторе, москвичей и петербуржцев, молодежи, людей с высшим образованием).

Правда, когда в январе 1995 г. респондентов спросили, что же они понимают под порядком, то лишь ничтожное их меньшинство (менее половины процента) согласилось с тем, что это - "ограничение демократических прав и свобод", а больше всего оказалось тех, кто соотнес это понятие с политической и экономической стабильностью страны (почти 35%) и со строгим соблюдением законов (около 33%). Знаменательно при этом, что больше всего уподоблявших понятия "порядок" и "стабильность" было среди более молодых и более образованных респондентов, тогда как среди малообразованных и пожилых оказалось относительно много тех, для кого порядок - это прежде всего строгая дисциплина (см. табл. 4)¹⁶. Но, так или иначе, только те институты, которые способствуют наведению порядка "здесь и сейчас", могут рассчитывать на массовое признание и, соответственно, на реальное внедрение в жизнь.

Здесь, однако, таится серьезная угроза. Частичный отход от идеалов полной демократии может превратиться в отказ от демократии вообще, а закономерное в нынешней конкретной ситуации отступление к полудемократическим-

полуавторитарным порядкам обернуться возвратом к полному авторитаризму, а то и к реставрации тоталитарного режима.

Очень многое будет зависеть от того, найдутся ли в правящей элите люди, способные избежать соблазна всевластия и достаточно искусные, чтобы удерживать тонкое различие между полудемократией и отказом от демократии. Но тут недостаточно одного лишь благоразумия и искусства людей, держащих в своих руках рычаги власти. Важнейшим условием предотвращения возможностей сползания в авторитаризм должно быть постоянное давление на власть со стороны демократической общественности - независимых политических организаций, социальных движений, демократических профсоюзов, культурных и разного рода других гражданско-общественных объединений.

Развитие ситуации в стране, в том числе и перемены в массовом сознании, в настроениях ее населения дают основания рассчитывать не только на ослабление и локализацию тенденции к авторитаризму, но и на постепенное "отвоевывание" тех демократических норм и институтов, которыми пришлось временно пожертвовать, и на дальнейшее углубление процесса демократизации. А соответственно и на сокращение длительности переходного периода. Впрочем, как говорится, возможны варианты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. I—III / Общ. ред. Т.И. Заславской - М.: Аспект Пресс, 1994-1996.
- ² *Наумова Н.Ф.* Рецедивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации. / Социологический журнал. 1996, № 3/4, с. 8; *Наумова Н.Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе. / Там же, 1995, № 2, с. 5.
- ³ См. *Гордон Л.А., Груздева Е.Б., Комаровский В.В.* Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в пост-социалистической России. / Новые социальные движения в России. (По материалам российско-французского исследования). Под общ. ред. Л. Гордона и Э. Клопова. Вып. 2. - М.: Прогресс-Комплекс. 1993.
- ⁴ Демографический вестник: 1993. М., 1994, с. 26-27.
- ⁵ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень, 1997, № 1, с. 52, 55. (Далее - "Мониторинг"). Следует отметить, что те же, в общем, соотношения мнений и настроений выявляют и другие вопросы, обращенные к респондентам ВЦИОМ.
- ⁶ Там же, 1995, № 6, с. 83; 1997, № 2, с. 81, 85.
- ⁷ Там же, 1995, № 1, с. 71-72.
- ⁸ Там же. 1995, № 6, с. 76; 1996, № 2, с. 59.
- ⁹ *Лапкин В., Пантин В.* Что значит "русский порядок"? // Московские новости, 1997, № 16, 20-27 апреля, с. 18-19.
- ¹⁰ *Рывкина Р.В., Симагин Ю.А.* Возрастные различия в оценках будущего России. // Социологический журнал. 1996. №3/4.
- ¹¹ Там же, с. 52-53.
- ¹² Там же. с 51.
- ¹³ Мониторинг, 1994, № 3, с. 65.
- ¹⁴ Там же, с. 35-36.
- ¹⁵ Там же, 1997. № 1, с. 52.
- ¹⁶ Там же, 1995, № 2, с. 58-59.